

«ключ» к стихотворениям, художественное пространство и время в которых организованы достаточно сложно и интересно и играют существенную роль в выражении авторской позиции.

Результаты лингвистического анализа пространственно-временной композиции, в особенности ее пространственного аспекта, могут быть применены в школе на уроках литературы: пространственные отношения в человеческих представлениях тесно связаны с предметностью (а стало быть, и с изобразительностью), потому что непосредственно даны наблюдателю¹³, и пристальное внимание к их выражению в тексте поможет разбудить воображение, сделать эстетическое впечатление более глубоким.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234—235.

² Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 86.

³ Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л., 1977. С. 79.

⁴ Там же. С. 124.

⁵ Там же.

⁶ Новов С. А древо жизни пышно зеленеет... // Лит. учеба. 1985. № 1. С. 183—184.

⁷ Гинзбург С. Киноискусство // БСЭ. 3-е изд. 1975. Т. 12. С. 129.

⁸ Новов С. Указ. соч.

⁹ Черемисина Н. В. О гармонии композиции художественного целого // Язык и композиция художественного текста. М., 1983. С. 33.

¹⁰ Медриш Д. Н. Структура художественного времени в фольклоре и литературе // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974. С. 129.

¹¹ Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1984. С. 147.

¹² Холшевников Е. В. Анализ композиции лирического стихотворения. Л., 1985. С. 49.

¹³ Павлов В. Т. Логические функции категорий пространства и времени. Киев, 1966. С. 50.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

И. М. ВОЛЧКОВА

Уральский университет

РОЛЬ ВОЗВРАТНОГО МЕСТОИМЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛА

Рассматривается системность речевых и языковых модификаций семантики глагола, связанных с воздействием возвратного местоимения, взаимодействие семантики глагола и местоимения.

Проблема семантического варьирования слова, думается, одна из немногих, которым, по существу, суждено долгое время оставаться в числе наиболее актуальных, не разрешенных до конца. Многочисленные плодотворные исследования, имеющие как

глобальный, так и частный характер, охватывающие проблему в целом и касающиеся семантики конкретного слова,— это, на наш взгляд, лишь фрагменты, углубляющие и расширяющие целостное представление о семантическом варьировании¹. Выделены общие системные факторы, определяющие многозначность слов, характер ее реализации², тем интереснее поиск новых регулярных системных закономерностей, обуславливающих варьирование отдельных элементов лексической системы языка.

Громадные потенциальные возможности глагольной лексики в плане варьирования значений обусловлены спецификой самой части речи, ее категориальными признаками, развитой системой синтаксических связей с другими частями речи и, как следствие, многочисленными ассоциативными связями.

Синтагматические связи слов реализуются в конкретных фразах как результат семантического взаимодействия слов. Общеизвестно, что значения слов меняются под влиянием контекстных партнеров, которые могут вызвать «угасание» одних сем, актуализировать потенцию других или развить новые семы на основе ассоциативных связей³. Именно этот аспект проблемы варьирования глагольной лексики в условиях специфического контекста, обусловленного конкретными прагматическими установками говорящего, представлен в данной статье — части обширного исследования, анализирующего функции возвратного местоимения в языке и речи. Поэтому объектом нашего внимания являются глаголы, значение которых прямо или косвенно предопределено наличием в их окружении возвратного местоимения **себя**.

Семантический анализ глагола и возвратного местоимения в их синхронных отношениях основан на системных свойствах языка или на его функциональных параметрах. Функционируя в конкретном высказывании, возвратное местоимение, как правило, замещает позицию прямого (иногда косвенного) объекта действия, реализуя свою основную функцию — «указания на лицо, обозначающее активного деятеля»⁴. Наличие одушевленного субъекта — лица, обладающего способностью к сознательному, целенаправленному и имеющему результат действию, признается не переменным атрибутом собственно возвратных высказываний. Семантика глагола при этом складывается из компонентов, включающих как существенный компонент «одушевленный субъект действия», ср.: **Отец купил себе пальто**.

В результате асимметрии первичных и вторичных функций языковых единиц возвратное местоимение не всегда принадлежит смысловой структуре высказывания с одушевленным субъектом, ср.: **Опыт оправдал себя; Спектакль привлек к себе внимание**. Данный аспект проблемы затронут в работе Е. В. Падучевой, где, в частности, говорится, что «возвратное местоимение употребляется с неодушевленным antecedентом чаще всего тогда, когда оно фактически избыточно»⁵.

Основной вид синтагматических связей между глаголом и возвратным местоимением возникает при наличии отношений смежности, т.е. общих сем в структуре значения⁶. Такими общими для глаголов определенной семантики и возвратного местоимения являются семы одушевленного объекта — лица, ср.: **внушать** — 'кому. 1. Заставить усвоить какую-л. мысль', **верить** —... // в кого. Быть уверенным в достоинствах положительных качеств кого-л' (МАС-2). Эти глаголы содержат в себе лексико-грамматическую сему одушевленного объекта, формально выраженную в словарном определении указанием на управление — кому, кого, в кого и т.д., и требуют заполнения позиции дополнения в предложении.

Возвратное местоимение выступает в словосочетании как самостоятельный, независимый в лексическом отношении от глагола компонент, обладающий определенным денотативным статусом, т.е. имеющим непосредственную связь с действительностью. Глагол и местоимение образуют сочетание, имеющее структуру, изоморфную структуре реальной ситуации, участником которой является реальное лицо. Рассматривая словосочетание как отдельную знаковую единицу, мы вправе говорить о соотношении компонентов плана содержания и плана выражения по аналогии с процессами словообразования — когда можно говорить о минимуме идиоматичности данного типа сочетаний.

Глаголы, выступающие как компоненты сочетаний с возвратным местоимением в его основном денотативном значении, как правило, реализуют свое основное значение или вторичное системное, напр.: «Он **готовил себя** к далеким путешествиям, к географическим открытиям» (Трифонов), где **готовить себя** — '4. Предвидя что-л., приготовляться к этому' (МАС-2). Однако при наблюдении над большим количеством глагольных лексем, в конкретном высказывании сочетающихся с возвратным местоимением, обнаружилось, что возвратное местоимение часто оказывает значительное влияние на глагол, на его смысловую структуру. Так, при исследовании было выделено значительное число глаголов, которые реализуют одно из своих вторичных значений, как правило, при наличии возвратного местоимения, но не другого имени или местоимения. Таким образом, это местоимение, изменив свой системный статус, стало восприниматься как постоянный контекстный партнер глагола в его данном речевом значении, напр.: «Маяковский **считал себя** заводом, вырабатывающим счастье» (Сов. культура); «Неудачник. Так он сам **себя называл**» (Гранин); «По дороге я **выдавал себя** за человека родом из Судет» (Казакевич). Количественный анализ показывает, что из обширного набора именных и местоименных лексем в позиции дополнения оказывается именно возвратное местоимение и закрепляется за данным значением глагола. Такая предпочтительность в употреблении именно формы воз-

вратного местоимения для данного значения глагола осознается говорящим и слушающим как модификация значения, конкретизация смысла.

Такая тенденция, выражающаяся в известной закреплённости объекта при глаголе определенной семантики, наблюдается в ряде случаев, ср.: **ставить задачу, цель** — обычно **перед собой**; **связывать обещаниями** — обычно **себя**; **видеть со стороны** — обычно **себя**; **задавать вопрос** — обычно **себе** и др. Соотнося наши фразовые материалы со словарем, мы видим, что реально во фразе заложен более глубокий смысл, чем в системном значении слова. Помимо системных значений, отмеченных в словаре, существуют и другие: употребление глагола с возвратным местоимением приводит к «наращению» смысла, появлению новых оттенков значения. Достаточно наглядным примером может служить фраза: «Мы постоянно **боремся** с какими-то недостатками, Коля. А **бороться** надо прежде всего **с собой**» (Поляков), где глагол в сочетании с конкретизатором **недостатки** и в другом случае **с собой** реализует разные смысловые модификации. Намеренное противопоставление в тексте возвратного местоимения как средоточия индивидуальных качеств человека и отвлеченного существительного с семантикой неодушевленности и всеобщности ведет и к противопоставлению оттенков значений глагола **бороться**. Именно это, вторичное, значение глагола является наиболее употребительным в современной речи. Изменение условий функционирования данного глагола, выраженное в закреплённости в позиции дополнения возвратного местоимения, включение его в ситуацию для актуализации смысла — процесс непрерывный, связанный с качественными изменениями в структуре глагольного значения. Контекстологический анализ позволяет уточнить отдельные глагольные лексико-семантические варианты, не нашедшие еще отражения в словаре, но, несомненно, имеющие право на существование.

Решающее значение при выделении смысловых оттенков имеет учет не только ближайшего контекста, каковым является для глагола возвратное местоимение, но и других контекстных показателей. Напр.: «И Маршалл [Аллан Маршалл] стал вновь яростно **бороться за себя, за свое скромное достоинство**» (Нагибин) — уточняющий характер отмеченного сочетания придает ЛСВ глагола оттенок значения 'некоторая замкнутость действия, направленная на совершенствование личных физических и моральных качеств'. Другие примеры: «А утром следующего дня они шли и пели: **«Мы боремся не только за себя»**» (Боровик) — уточняющий компонент не только свидетельствует о том, что действие имеет широкий социальный диапазон; «Хейли что было сил **тянул ремни, подбирал живот к хребту, вжимался в кресло, боролся за себя** так же цепко, как люди на поврежденном взрывном «Боинге 707» (Нагибин) — предваряю-

щая часть фразы указывает на местный, ограниченный набором конкретных действий характер значения глагола **бороться**. Словарем отмечается как необходимое дополнение неодушевленное существительное в приглагольной позиции, ср.: **бороться** — 'З. за что. Отстаивать что-л., добиваться чего-л.' (МАС-2). Употребление в качестве дополнения в этой позиции возвратного местоимения расширяет валентные возможности глагола, включая в его парадигму новые смысловые оттенки. Достаточно частотное употребление глагола в таком контексте дает возможность говорить о существовании новых, пока исключительно речевых модификаций значения.

Частотность употребления возвратного местоимения в позиции дополнения при глаголе **постоять** свидетельствует не только о семантической, но и структурной связанности двух компонентов конструкции. Вторичное переносное значение 'постоять отстоять, защитить кого-л., что-л.' (МАС-2) чаще всего реализуется с формой **за себя**, напр.: «В детстве отец сердился: «Надо научиться **постоять за себя**» (Богуславская); «Илья... сумеет **за себя постоять**» (Распутин). Фразовые материалы показывают, что именно эта синтаксическая конструкция наиболее полно выражает семантику глагольного слова.

Достаточно распространены конструкции с отрицанием **не отвечать за себя, не ручаться за себя**, в которых реализуется смысл 'выражать потенциальную угрозу, исходящую от субъекта'. Напр.: «...велел ему немедленно убираться, а то он сам **за себя не отвечает**» (Нагибин); «Скажи: «Ты ради нее готов на все, ты потерял голову, ты **за себя не ручаешься**» (Ковальджи). Данное значение, не достигнувшее уровня системного, не выделенное в словаре, тем не менее достаточно четко осознается.

Итак, в определенных контекстных условиях глаголы, сочетаясь с возвратным местоимением в позиции дополнения, получают возможность дальнейшего развития значений, обогащают свою семную структуру за счет «приращения» смысловых компонентов. Существенным является тот факт, что развитие новых смыслов в семантической структуре анализируемых глаголов происходит в результате не перестройки ее, а наличия дополнительных, назовем их синтагматическими, «надстроечных» признаков и не нарушает системы внутрисловных отношений в данной лексеме.

Мы отметили только некоторые реализации глагольных значений, сопровождающихся во фразе возвратным местоимением. Представляют интерес реализации индивидуально-авторских значений, единичных употреблений. Как показывают наблюдения, варианты значений таких глаголов имеют еще большее расхождение с первичным основным значением, сопровождаются существенной перестройкой семной структуры глагола, часто переходят в другую семантическую группу. Немалую роль в этом играет возвратное местоимение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ См. работы Л. М. Васильева, А. А. Кретьова, Э. В. Кузнецовой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, А. П. Чудинова, Н. Б. Лебедевой, Н. А. Боровиковой.

² См.: Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989; Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

³ Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

⁴ Ронгинская Н. В. Русское языкознание. Киев, 1986. Вып. 13. С. 72.

⁵ Падучева Е. В. Проблемы логического анализа местоимений // Семантика и информатика. М., 1980. Вып. 15. С. 13.

⁶ Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1986. С. 35.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

А. А. КРЕТОВ

Воронежский университет

О НАУЧНОМ ПРОГНОЗЕ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

Рассматриваются основные проблемы прогностики как особого раздела лингвистики, связанного с лингвистическим предсказанием и предвидением.

Наука, занимающаяся предвидением будущего, называется прогностикой. «Гносеологическое понятие предвидения необходимо разделять на предвидение естественнонаучного типа, или предвидение уже существующего, но еще не известного исследователю, и предвидение гуманитарно-научного типа, или предвидение еще не существующего», — отмечает Ю. С. Степанов¹. Первое мы предлагаем называть прогностикой предсказания, а второе — прогностикой предвидения. Прогностика предвидения представлена, например, демографическими, экономическими и метеорологическими прогнозами; прогностика предсказания — прогнозами Д. И. Менделеева, Ф. де Соссюра, открытиями новых разновидностей растений на основании закона гомологических рядов Н. И. Вавилова, «кабинетными открытиями» новых планет и островов.

Лингвистической прогностики как науки, несмотря на отдельные интересные работы в этом направлении, пока не существует. Тем более не существует такого ее раздела, как лексико-семантическая прогностика с подразделами: лексико-семантическая прогностика предвидения и лексико-семантическая прогностика предсказания. Значит ли это, что в ней нет никакой необходимости? Отнюдь. Особенно очевидна потребность в лексико-семантической прогностике предсказания. Достаточно взять любой академический словарь, чтобы убедиться в неполноте,